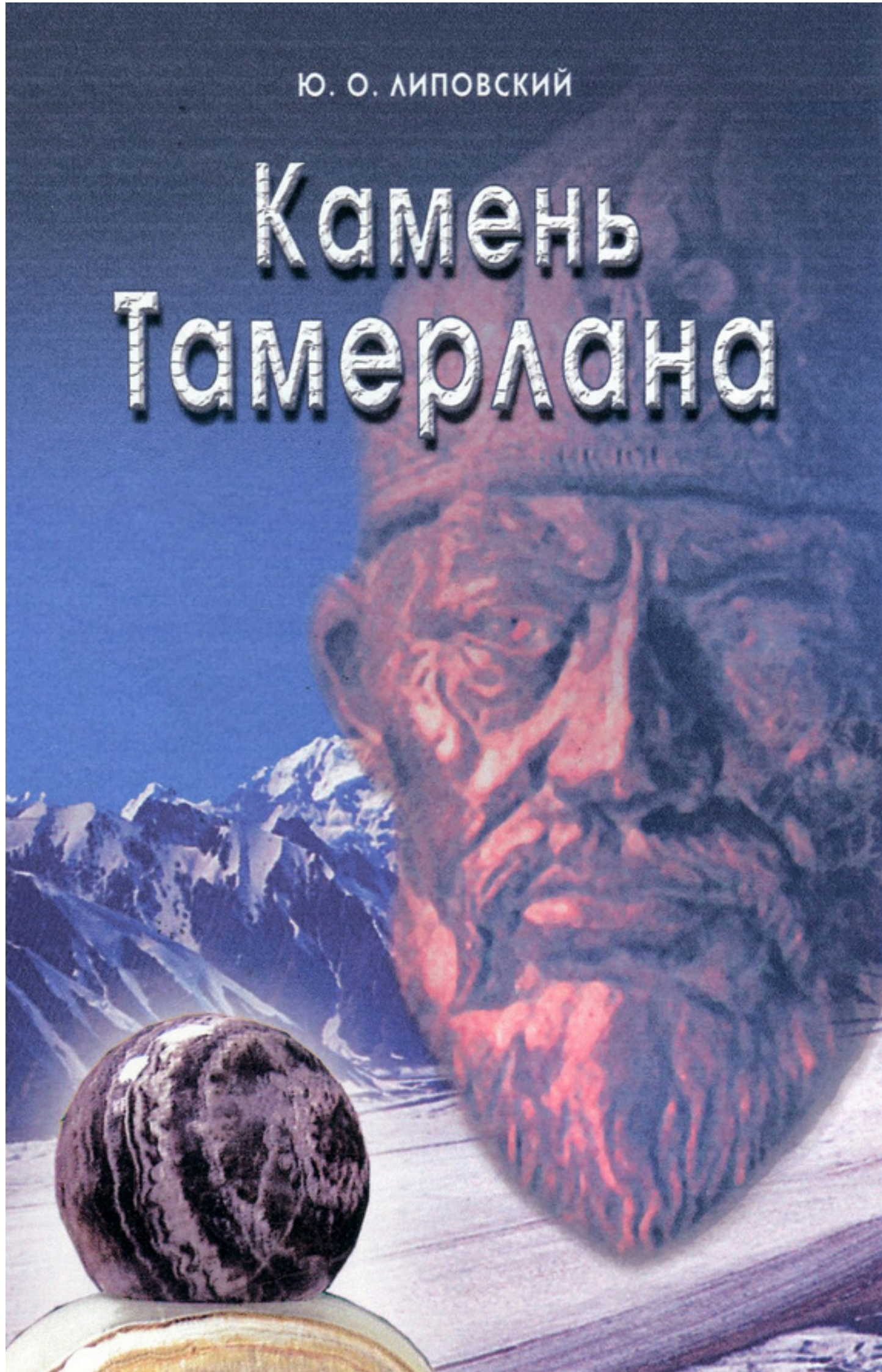

Ю. О. ЛИПОВСКИЙ

Камень Тамерлана

Юрий Липовский
Камень Тамерлана

«Шапиев Герман»

2017

Липовский Ю. О.

Камень Тамерлана / Ю. О. Липовский — «Шапиев Герман», 2017

ISBN 5-88503-208-4

Люди старшего поколения помнят, какой нестерпимой скукой веяло от наших «доперестроечных» школьных учебников истории: бесконечные даты и нескончаемая борьба классов, войны и революции, честолюбивые полководцы и надменные короли, кровожадные цари и безликая масса инертного угнетенного народного большинства, которая каким-то непостижимым образом оказывалась основной движущей силой истории. Считалось, что эта народная масса в нашей стране неуклонно движет историю к светлому будущему, которое почему-то все никак не наступало. И так было не только в учебниках. Историки, замороженные идеей прогресса (расхожий, популярной, но и легковесной и ничего не объясняющей), историю не столько писали описывали, сколько судили и оценивали. Увы, эта традиция не была порождением советского времени. Л. Н. Толстой, читая и перечитывая «Историю» Соловьева, записал в 1870 г.: «Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так: ряд безобразий произвели великое единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу, что ограбили и разоряли?.. Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми одаривали послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня...

ISBN 5-88503-208-4

© Липовский Ю. О., 2017

© Шапиев Герман, 2017

Содержание

Вступление	7
Камень Тамерлана	11
Глава 1	11
Зов камня	11
Тайна древних копей	15
Беседы о Тамерлане в чайхане «Салом»	19
О «рубине Тимура», павлиньем троне Великих монголов и горном орле Индии	24
О лазуритовом слонике, «камне победы» и нефритовой гробнице Тамерлана	28
О загадочном камне, который помог Тамерлану выйти из душевного кризиса и удивительных предсказаниях индийского мага	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ю. О. Липовский Камень Тамерлана

© Липовский Ю. О.

* * *

Вступление

Как войти в реку времени?

Люди старшего поколения помнят, какой нестерпимой скукой веяло от наших «доперестроечных» школьных учебников истории: бесконечные даты и нескончаемая борьба классов, войны и революции, честолюбивые полководцы и надменные короли, кровожадные цари и безликая масса инертного угнетенного народного большинства, которая каким-то непостижимым образом оказывалась основной движущей силой истории. Считалось, что эта народная масса в нашей стране неуклонно движет историю к светлому будущему, которое почему-то все никак не наступало.

И так было не только в учебниках. Историки, замороженные идеей прогресса (расхожий, популярной, но и легковесной и ничего не объясняющей), историю не столько писали описывали, сколько судили и оценивали. Увы, эта традиция не была порождением советского времени. Л. Н. Толстой, читая и перечитывая «Историю» Соловьева, записал в 1870 г.: «Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так: ряд безобразий произвели великое единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу, что ограбили и разоряли?.. Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми одаривали послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня?..

Историк хочет описать жизнь народа – миллионов людей. Но тот, кто... понял период жизни не только народа, но человека... тот знает, как многое для этого нужно. Нужно знание всех подробности жизни... – запись нужна любовь».

Если бы Л. Н. Толстой мог прочесть увлекательную книгу Ю. О. Липовского «Камень Тамерлана», которую читатель держит в руках, у него бы не возникли эти вопросы и не сложилось бы неверного впечатления о сплошных «безобразиях» нашей истории. Автор книги порой так талантливо воссоздает дух прошедшей эпохи и переживания людей того времени, так магически «затягивает» в свое повествование, что заставляет забыть о настоящем. Лев Николаевич не смог бы признать, что книга написана с любовью, а именно она, прежде всего, нужна для истинного познания истории.

Может быть, слова о любви звучат и ненаучно, но не стоит забывать, что муза истории Клио никогда не была бездумной накопительницей фактов, всех подряд, без всякого разбора. Во все времена опыт прошлого описывали, упорядочивали и истолковывали с позиции настоящего, и каждая эпоха по-своему определяла тот ракурс, в котором виделось прошлое; да и сама история понималась по-разному. В одну эпоху она «учила философии посредством примеров», в другую была способна только славить Бога-творца, в третью становилась школой политической мудрости. А бывало и так, что история воспринималась как «воплощенная глупость человеческая», и такой взгляд тоже имел право на существование. Каждая эпоха в соответствии со своими жизненными ценностями и способом видеть мир извлекала канувшие в Лету события и факты и освещала их. Нашему времени, пожалуй, созвучнее всего понимание истории как науки о людях во времени, и именно такому ее пониманию следует автор исторической повести «Камень Тамерлана». Главный герой книги – великий Тимур, «Железный хромец» показать человеком своей эпохи и своей судьбы. Он был от природы богато одарен, а трудная жизнь в молодые и зрелые годы упрочила его дарования, закалила волю и сделала его способным мужественно противостоять и жизненным невзгодам, и сильным противникам. Историческим деятелям такого масштаба, как он, принципиально невозможно дать однознач-

ную оценку, которая удовлетворила бы всех в равной мере, и в этом смысле портрет Тамерлана, воссозданный Ю. О. Липовским, займёт достойное место в галерее уже имеющихся портретов.

При чтении этой книги, думается, у читателя не останется сомнений в том, зачем нужна история. Как писал наш отечественный историк В. О. Ключевский: «...изучая предков, узнаём самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами». В самом деле, если с любовью, глубоко и серьёзно всматриваться в историю, как это делает Ю. О. Липовский, то придется признать, что каждый из нас, осознает он это или нет, – историческая личность, не в том смысле, что с нами случаются какие-то истории или что мы совершаем великие дела, а в том, что мы просто существуем, продолжая нескончаемые линии жизни наших предков, что мы включены в бесконечную цепь существования рода человеческого на земле, и что каждый из нас – звено важная и нужное, сколь бы малым оно не было. «За нами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана истории: мысли всех веков на сию минуту в нашем мозгу», – так выразил А. И. Герцен то глубинное историческое чувство, которое живет в каждом из нас. Но не каждому оно доступно и понятно.

Ю. О. Липовскому оно счастливым образом открыто. Несмотря на трудную судьбу нашего отечества, где «цепи времен», издревле соединявшие века и поколения, не раз жестоко и нещадно разрывали и разрушай и разрубали, и потому понятие «мой род» почти вышло из нашего обихода, он сохранил чувство кровной связи со своим родом, также как и знание его истории. Это и помогло ему написать захватывающую книгу об исторических событиях и людях, в которой нет скучного и надоевшего нагромождения дат, описаний восстаний и мятежей, а за фасадами блестящих империи и тревожных времен слышна изумительная симфония чувств, переживаний и мыслей людей, живших до нас, так что внимательного читателя не может не зазвучать в душе ответный отклик, и он не сможет не ощутить себя «прибрежной волной» в «океане истории».

Главным историческим источником для автора книги является семейное предание. И нового читателя это может и шокировать, но источники бывают разными, также как их отбор и способы работы с ними. Дело в том, что в нашем сознании так укоренились традиции современной историографии, что нам трудно воспринимать все иные подходы к прошлому и его воссозданию. Между тем, это у нас, на Западе со времен нашего «Отца истории» Геродота повелось, что история – это история событий, действий и воин, что важно как можно точнее воспроизвести действия их участников, их речи, позиции, личности и т. д. В Китае, например, со времен их отца истории Сым Цаня на первый план была выдвинута человеческая личность и ее деятельность, именно такой подход служил руководящей моделью для последующих историков. По нашему мнению, историк должен усердно рыться «в хронологической пыли бытописания земли», и потому единственно важными и достойными внимания мы привыкли считать письменные свидетельства, хотя они вполне могут оказаться неполными или намеренно искажающими действительность.

Но есть и другие традиции, прямо противоположные западной историографии, где господствуют иные временные связи, иная память и иная историчность. Если учитывать то, что история и память неразрывно связаны, то нельзя не признать и того, что отношения между ними сложны и чреваты конфликтами. Так, древнегреческий историк Фукидид считал, что история всегда грешит против памяти, а историки XIX в. полагали, что история кончается там, где начинается память. Сейчас, по мнению многих ученых, память захватывает область истории, а это заставляет переосмыслить оба понятия, так что память сама по себе становится объектом истории. Вот тогда-то и возникает, как у Ю. О. Липовского, своеобразная история памяти, при которой события и факты можно рассматривать с двух сторон, личностной и исторической, да и прошлое понимается не как движение во времени, а как постоянно присутствующая в жизни человека реальность, с детства поддерживаемая семейными преданиями.

Такой подход как раз близок исламскому Востоку, к которому принадлежит главный герой книги, чьим именем названа повесть, Тамерлан. Мусульманские историографы не воссоздавали прошлое, как историки Древней Греции, не искали в истории свидетельств Божьего всемогущества, как средневековые христианские историки, и не оценивали события с точки зрения иронического прогресса, как советские историки. Своеобразие их подхода было обусловлено выбором исторической информации, именуемой по-арабски «хабар». «Хабар» означает «факт, событие, упомянутое в беседе или предании». Ю. О. Липовский, подобно исламским историкам, отталкивается от семейного предания и собирает воедино факты и события, тщательно проверяя их достоверность.

И еще одну важную и достойную всех похвал черту хотелось бы отметить в повести: Ю. О. Липовский сумел избежать того безоглядного европоцентризма, который судит обо всём с позиций собственного превосходства и который мы унаследовали от нашего европейского отца истории: он смотрел на мир глазами истинного эллина, именующего все другие народы варварами, и следовал традиции видеть в них собственную противоположность. Поэтому он описывал, оценивал и истолковывал все по принципу противопоставления, разумеется, считая греков эталоном, сравнения с которыми не выдерживал почти никто. Именно так повелось у нас в отношении монголов. И западные, и русские, и советские историки постоянно писали и говорили о «монгольском иге», под которым в течение двух с половиной столетий находилась Русь, со школьных лет в наших головах засел стереотип «дикого татаро-монгола». Гегель в своей «Философии истории» сказал о монголах, имея в виду вообще кочевые азиатские народы, что живут они-де бессодержательной «патриархальной жизнью», но часто собираются большими массами и под действием какого-нибудь импульса приходят в движение: «Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения. Такие движения народов происходили под предводительством Чингисхана и Тамерлана: они все растапывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала».

И такое представление о монголах присуще большинству и за нас и сегодня. Столетия спустя после Гегеля замечательный историк Арнольд Тойнби писал, что евразийские кочевники не хозяева, арабы степи, время от времени покидающие свои земли и взрывающиеся во владения оседлых цивилизаций и опустошая их, действуя под влиянием внешних сил, например, климата. Но вот взгляд на тех же монголов из Азии монголами были кочевниками. Многие думают, что, поскольку они были кочевниками, они должны были быть варварами. Но это ошибочное представление, у них был развитый собственный уклада жизни и они обладали сложной организацией. Чингис, без сомнения, был величайшим военным гением и вождем в истории. Александр Македонский и Цезарь кажутся незначительными в сравнении с ним. Он был в высшей степени способным организатором и достаточно мудрым человеком, эти слова написаны нервы примерно в одно время с тайнами, который, не признавая величия истины Чингисхана и Тамерлана, в тоже время прославлял подвиги императора франков Карла Великого, жестоко покорившего земли венедов, Так, просто и других племен, при этом замечательном договорившись, что 18 саксонских компаний Карла могут сравниться лишь с военными успехами Тамерлана. К счастью, всегда находятся самостоятельно мыслящие люди, не попадающие в плен общепринятых стандартов расхожее мнение. Еще в 1843 году Чаадаев писал, что положительное владычество татар это Величайшее важное важности события. Как она не была ужасная, она принесла нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить Народная, она только помогло ей развитое созреть, оно сделало возможным незначительные царствования Ивана 3 и Ивана 4, царствования, во время которых приснилось наше могущество III завершилось наши политическое воспитание. Сейчас этот взгляд поддержит и развитое в Евразии цемент, и книга Липовского делает его достоянием широких читательских масс. Но

нужно учитывать, что Книга это ненаучно труда, а художественное произведение, поэтому Не стоит искать в нём точных научная формулировка, скучно в перечне факторов, именно событие, ссылок битая сносок и прочего балласта, далеко не всегда признающего сути дела, а чаще водящего в сторону от основной линии повествования. Автора, Не будучи профессиональным историком, по законам жанра исторической повести, имеет право на собственное субъективные взгляды. Может художественным историческим произведениям обычно выпадает недолго и судьба как правило,

Камень Тамерлана

Глава 1 Встреча с живой историей

Зов камня

Все сущее на земле имеет свое начало и свой конец, за которым следует новое начало. Так гласит древняя индийская мудрость. История, о которой я хочу рассказать замешана на одном воистину путеводном камне, с которым мне довелось совершить путешествие во времени. А началось все с памятной встречи с моим товарищем геологом Сергеем Аккерманцевым, приехавшим из ташкентской экспедиции. По обыкновению при наших редких встречах мы подолгу вели разговоры на излюбленные темы о камнях-самоцветах. И когда заходил разговор «за камень» он непременно сопровождался разглядыванием образцов разных минералов. А в этот приезд Сергей привез много интересных образцов самоцветов из Средней Азии, о которых я знал только по литературе. И как принято у геологов каждый образец следует подержать в руках ощупать его со всех сторон, осмотреть форму, цвет, рисунок, определить твердость и многие другие физические свойства, не говоря уже о скрытых (магических) свойствах. Словом, не подержав камень в руках, не ощутив его теплоту или холод, не проникнув в его «душу» нельзя говорить, что вы его оценили по достоинству. И, конечно же еще очень важно знать откуда он взят с точной географической привязкой и указанием конкретного месторождения.

И вот среди увиденных мною образцов, не вызвавших особых эмоций вдруг попался один камень не похожий на все, что мне когда-либо приходилось встречать в моей геологической практике. Этот был обломок пестроцветной породы размером с кулак, очень твердой с какими-то затейливыми узорами. Я повертел камень в руках, смочил его водой чтобы лучше разглядеть рисунок и определить породу, но ничего в памяти зацепить не удалось.

– Что это за порода, Сергей? Откуда ты ее взял? – спросил я, не выпуская камень из рук. А камень словно прилип к моим ладоням и я ощущал какие-то неведомые токи или пульсации, которые входили в меня.

– Ее обозвали кварц-аметистовой брекчией, – ответил Сергей, довольный произведенным на меня эффектом. – Наши геологи нашли его где-то в районе Кураминского хребта. По моему камень очень интересный. Взгляни как выглядит он в полировке.

И с этими словами Сергей вытащил из своей сумки завернутый в плотную бумагу образец этой необычной брекчии, представленный уже в новом качестве. Развернув образец я взял в руки пластину из камня совершенно гладкую с зеркальной полировкой с двух сторон. Этот образец меня поразил еще больше, нежели первый – необработанный, как говорится, «сырой» камень. Я увидел на пластине какое-то фантастическое смешение пронзительно ярких и чистых цветов, как на картинах Рериха. В необычной цветовой гамме выступал снежно-белый цвет, чистый и леденящий как вершины гор, который сменялся тревожным кроваво-красным и дымчато-серым цветом костров и пожарищ, через которые поглядывал желтый, как лучики солнца. А яркий сиренево-фиолетовый цвет аметиста как бы соединял все воедино, внося какое-то успокоение и гармонию.

В сложном рисунке камня угадывались какие-то человеческие лики, силуэты храмов, пики гор и многое другое, завораживающие своей таинственностью.

– Вот это находка! Просто чудо какое-то! – воскликнул я, не выпуская камень из рук. – Это же новый удивительный самоцвет!

– Ладно! Дарю тебе это чудо для пополнения твоей коллекции, – ответил Сергей. – А в отношении новизны этого камня вопрос спорный. Его нашли в древних копиях 13 или 14 века, короче со времен Тамерлана. Я постараюсь сам побывать на этом месторождении и напишу тебе. А может ты выбьешь себе командировку в Ташкент и сам увидишь это чудо в натуре? С тех пор я «заболел» этим камнем, подолгу разглядывал его, находил что-то новое в загадочных рисунках, созданных природой.

Я сопоставлял камень с пейзажными яшмами и цветными агатами, в которых как бы застыли навечно все краски и все неповторимое очарование природы. Но ни один из них не брал так за живое, не владел моими мыслями и чувствами как этот загадочный камень из неведомых копей Средней Азии. Сухое и длинное петрографическое название камня – кварц-аметистовая брекчия не устраивало меня и я условно назвал его «камень Тамерлана». Тогда я не мог и предположить, что этим самым названием попал в самую точку, а сам камень станет для меня путеводным. Я загорелся мечтой побывать в Средней Азии, побывать на древних копиях, найти самому этот камень. Однако, длительная командировка в Монголию, новые яркие впечатления, замечательные монгольские самоцветы заставили забыть о своей мечте. Но мечты сбываются если очень захотеть! А тут подвернулся благоприятный случай: по заданию всесоюзного треста «Цветные камни» меня направили в командировку в Ташкент, в самоцветную геологическую экспедицию «Средазкварсамоцветы». Я был счастлив сидя в кресле авиалайнера, сжимая в кулаке «камень Тамерлана», предчувствуя что этот камень принесет мне удачу. А под крылом самолета простиралась огромная малознакомая мне и неведомая Средняя Азия.

Огромный край, полный природных контрастов – выжженные солнцем пустыни и цветущие фруктовые сады с виноградниками, снежные вершины гор и живописные зеленые долины. Здесь находятся древнейшие города такие как Самарканд, Бухара, Хива, Шахрисабз, насыщенные великолепными памятниками архитектуры.

Древняя страна... Первые государства на ее территории – Бактрия, Согд, Хорезм возникли еще в 17–18 вв. до н. э. Эти древнейшие государственные объединения подверглись в разные времена завоеваниям персидских царей, арабских халифов, Александра Македонского, а затем самому страшному опустошительному нашествию орд Чингизхана в 1220–21 гг. Это нашествие привело к огромным человеческим жертвам, разрушению городов, памятников, упаду экономики и культуры. Но полнокровная жизнь в стране возродилась благодаря Тимуру. Будучи прямым потомком Чингизхана он восстановил все разрушенное и стал создателем. С его именем связаны архитектурные сооружения в его родном городе Шахрисабзе и в Самарканде, где он похоронен в величественном мавзолее Гур-Эмир. Остались и древние копи, где добывались многие облицовочные и цветные камни для всех этих монументальных сооружений. Словом меня ожидали интересные впечатления. И вот, наконец, Ташкент. Небольшая площадь возле аэропорта расцвечена толпами людей в ярких одеждах. Возле стоянки такси громадная очередь уже не радующая глаз. К счастью машины подкатывают к стоянке часто, а между ними и ожидающими крутится молодая энергичная женщина в белоснежной летней рубашке и пилотке. Она вроде диспетчера и лихо руководит посадкой пассажиров, объединяя их по маршрутам следования. На точеной как у богини шее медного цвета белеют бусы из молочно-белого камня. Это бесспорно кахолонг – самый белый в природе самоцвет, которым так богат Узбекистан. Не успеваю я наглядеться за умелыми действиями этой очаровательной смуглянки, как очередь доходит до меня.

– Вам куда? В какой район города? – обращается она ко мне, сверкая белозубой улыбкой.

– Мне нужна улица Сайхали,¹ – называю я точный адрес экспедиции.

– Это где такая улица? В черных как южная ночь глазах красавицы промелькнуло мимолетное удивление.

– Не знаю, я впервые в вашем городе.

– Саид! – обращается она к водителю, высунувшему свою круглую черную голову из кабины такси.

– Ты не знаешь, где находится Сайхали?

– Знаю, в районе Чиланзара – уверенно отвечает таксист. – А вам наверно нужна геологическая экспедиция? – обращается он ко мне.

– Да конечно! – обрадовался я, залезая в машину.

– Ну, вот и определились! – улыбается диспетчер и звонким голосом взывает к очереди: – Есть еще желающие в район Чиланзара?

– Но желающих больше не оказалось.

– А туда едут только в два места – в экспедицию и в новую чайхану «Салом» – она известна на весь город, – сказал Саид, когда мы покатали на его «Москвиче». И пока мы ехали по Ташкенту водитель, молодой, общительный парень рассказывал о своем городе, о пережитом землетрясении, о новых микрорайонах, возникших на развалинах.

Узнав, что я геолог он еще более воодушевился.

– У вас, геологов, самая путевая работа, – лучше нет. Я сам два года проработал водителем в геологической партии в Кызылкумах. Хорошие ребята со мной работали – без дураков. Когда уходил то уговаривали остаться, да жена против моих долгих отлучек. А мой товарищ Руфат работает в камнерезном цехе экспедиции, пилит камни, которые геологи привозят из экспедиции, тоже интересно, но лучше все же ездить – каждый день видишь и узнаешь что-то новое.

– А «Москвич» вес крутил меня по старым и новым улицам города пока мы не очутились на окраине среди приземистых домов, утопающих в раскидистых фруктовых деревьях.

– Вот и ваша экспедиция! – сказал Саид, подкатив к воротам белого двухэтажного здания. А вон там чайхана «Салом», – махнул он рукой.

– Удачи вам! – сказал Саид, пожимая мне руку. А я оставшись один прошел через ворота и сразу попал в другой, хорошо знакомый мне геологический мир. На просторном дворе экспедиции разместились двухэтажное здание управления, гаражи и мехмастерские, камнеобрабатывающий цех, химическая лаборатория и разные вспомогательные помещения. Все как и должно быть в геологической экспедиции подобного профиля. Но здесь во всем ощущался какой-то особый образцовый порядок, который поддерживался всеми сотрудниками. Недаром ташкентская экспедиция «Средазкварцсамоцветы» считалась одной из лучших в тресте «Цветные камни». В ней работали молодые, но опытные специалисты, как местные так и приехавшие отовсюду – русские, узбеки, таджики, представители других национальностей Советского Союза. И главными критериями оценки человека были его деловые качества, способность работать в любых условиях и в любом коллективе. И еще всех сотрудников этой экспедиции от вахтера до начальника отличала только им присущая влюбленность в свою экспедицию. Уже с первых шагов меня окружила энергичная натура истинного ташкентского самоцветчика, который всякого нового человека встречает с воодушевленной ревностью. Что вы из себя представляете и на чьей стороне ваши симпатии? И если вы скажете, что где-нибудь на Урале или в Казахстане в экспедициях лучше и больше камней на вас посмотрят с сожалением как на человека незнающего и завистливого, а после этого уже не рассчитывайте на какое-то ни было участие и внимание к своей персоне. Об этом патриотизме и гордости Ташкентских самоцветчиков за свою экспедицию меня уже подготовили в Московском тресте «Цветные камни». Знакомые геологи посоветовали: если хочешь чтобы тебя посчитали «своим» – восторгайся и хвали их сколько сможешь. И в благодарность за это они раскроют тебе заветные мысли и дела.

Впрочем, как я сам убедился ташкентские геологи добились действительно многого. В рабочем кабинете главного геолога экспедиции состоялась мое первое знакомство с Олегом Виннером, руководителем всей геологической службы. Он только что вернулся из интересной

служебной поездки и еще находился под впечатлением всего увиденного. Его коренастая, спортивная фигура неутомимого ходока, волевое лицо, орлиный с горбинкой нос, выразительные пытливые глаза следопыта и наконец полевая геологическая форма – все это никак не вязалось с обычной чиновничьей обстановкой служебного кабинета. В нем бросалось в глаза огромная во всю стену геологическая карта территории Средней Азии, на которой разными значками были отмечены и многочисленные месторождения и проявления самоцветов. Вдоль стен стояли стеллажи с образцами горных пород и минералов, пачки книг, геологические материалы и прочее.

– Экспедиция ведет геологоразведочные и добычные работы на обширной территории Узбекистана и соседнего Таджикистана, – начал свой рассказ Виннер после нашего короткого знакомства. – Нашими геологами выявлено все необходимое и разнообразное сырье для камнеобрабатывающей промышленности всей страны. У нас есть ювелирные драгоценные камни и поделочные и облицовочные. Есть и уникальные, которых больше нигде нет. В Горном Бадахшане, например, есть два замечательных высокогорных чуда: месторождение лазурита лядждвардара и месторождение благородной шпинели Кухилал. Они как верные напарники – рядышком. Первое – такая дикая красота, что грех не увидеть. Туда рвутся все наши геологи, устремляются альпинисты к пику Маяковского. Однако, добраться туда непросто и опасно для неподготовленного человека. Недаром на одном из перевалов альпинисты сделали на отвесной скале такую поэтическую надпись: «Путник будь осторожен – твоя жизнь, как слеза на ресницах». Второе чудо – красная шпинель на Кухилале, внешне не отличимая от рубина. Кстати, многие исторические камни, считавшиеся рубинами на деле оказались благородной шпинелью с Кухилала. Например, знаменитый рубин Тимура или тот, что в царской короне, хранящейся в Алмазном фонде. Есть у нас и бирюза – это древнее Бирюзаканское месторождение с его неисчислимыми запасами, – продолжал свой обзорный рассказ Виннер. Геологи нашли еще новые проявления бирюзы в Кызыл-кумах, открыли уникальный белый самоцвет – кахолонг, огненно-красный халцедон Джамбульского месторождения, нежно-розовый как утренняя заря родонит с Алтын-Топкана, пестроцветный оникс из пещеры Тамерлана и многое другое.

– Среди последнего можно назвать кварц-аметистовую брекчию, – вставил я свое слово во вдохновенную речь главного геолога.

– Уже слышаны об этом камне, – удивленно вскинул свои брови вразлет Виннер.

– Я познакомился с ним давно и с тех пор не расстаюсь, – выпалил я с волнением.

– Да, это весьма необычная порода, – задумчиво ответил Виннер, снимая с полки полированные образцы этого камня. – Его нашли в предгорьях Кураминского хребта на жиле «Аметистовая». Жила внушительных размеров, прослежена на несколько километров вдоль тектонического разлома. Искали в ней аметист, но качественного пригодного для ювелирных изделий не обнаружено. Осталось только название, да эта пестроцветная порода, слагающая жилу. Не смотря на малую блочность камня, не позволяющую ожидать крупных кусков – монолитов ее возможно использовать как новый самоцвет нашего региона.

– Новое – хорошо забытое старое, – вставил я банальную фразу. Может этот камень как и бирюза, лазурит и многие другие самоцветы были известны давно.

– Вы говорите совсем как один заезжий историк, который нежданно-негаданно появился в нашей экспедиции. Ну прямо живая ходячая история! Послушать его так все камни известны со времен Тамерлана. Нашим геологам нечего не осталось открывать, – едко заметил Виннер. Я понял, что совершил промах, задев патристические чувства руководителя геологической службы. И воздал похвалу его геологам обследовавшим за короткие сроки такую громадную территорию, изобилующую такими непревзойденными камнями.

– Да, ладно уж! – отмахнулся Виннер.

– Время покажет, кто, где и когда открыл тот или иной камень. Важнее всего чтобы он был в достатке и хорошего качества.

Мы перешли с ним на сугубо деловую тему и к концу разговора я задал Виннеру мучавший меня вопрос.

– А где мне найти вашего историка. Как его зовут?

– Салихов Сердар Алиевич, – ответил главный геолог, заглянув в лежавший на столе блокнот. Приехал в Ташкент из Татарии, неделю проработал у нас в геологических фондах, собирал сведения о камнях, которые добывались для строительства дворцов и украшений при правлении Тамерлана. Более того, увязался с нашими геологами и уже побывал на Бирюзакане и что удивительно на жиле «Аметистовая».

– Могу ли я встретиться с ним сегодня?

– Не удастся – он в очередной поездке и обещал вернуться через неделю. А вам могу предложить съездить на Бирюзакан, в Исфару на месторождение великолепного гипса-селенита, посетить там древние бирюзовые копи ну и заехать на жилу «Аметистовая», на которую всех тянет. Вам повезло: как раз завтра утром туда отправляется машина с геологом Анваром Шарматовым. Он знаток всех интересующих вас мест и будет вашим гидом. Вы, где предполагаете остановиться в гостинице или у нас при экспедиции?

– Я не чиновник, а полевой геолог, привыкший к походным условиям.

– Вот и отлично! Возьмите на складе спальный мешок и располагайтесь в камеральном помещении геологов. Помещение сейчас свободно – все геологи в поле. Ну как такой вариант устраивает?

Я поблагодарил Виннера и покинул его кабинет, посвятив остаток дня знакомству с камнями Средней Азии в музее экспедиции и в камнерезном цехе, где производилась всесторонняя обработка «сырого» камня. Природный камень на глазах преображался превращаясь в различные украшения, письменные приборы, шкатулки, вазы и многое другое. И здесь я к своей радости снова увидел свой камень в руках молодого камнереза, пытающегося сделать из него шкатулку. Этим мастером оказался Руфат – дружок моего водителя с которым я ехал из аэропорта.

– Что скажешь об этом камне? – поинтересовался я у него.

– Очень необычный, не простой. К нему индивидуальный подход нужен – как к женщине. А цвета в нем как на бухарском халате – заглядишься! Вот только название геологи придумали длинное – не запомнишь!

– За названием дело не станет, – сделаем его короче, – пообещал я. – И камня этого будет больше и лучше. Я уверен!

– Хорошо если так, – ответил Руфат. – Этот камень наш можно сказать исторический!

– Кто тебе это сказал? – удивился я.

– Да, один человек, приезжий заглядывал к нам, говорят ученый, историк.

Я понял, что вездесущий Салихов побывал и здесь оставив свой неуловимый след.

Тайна древних копей

Я проснулся рано, под звуки машины. В просторном помещении камералки, где прошла моя ночевка было душно, несмотря на открытое настежь окно. Косые лучи солнца скользили по белым стенам комнаты, увешанной большой геологической картой Советского Союза и отдельными картами среднеазиатских республик и некоторых месторождений самоцветов. Неожиданно дверь бесшумно приоткрылась и из нее выглянуло круглое настороженное лицо, а затем появилась и вся плотная, коренастая фигура молодого человека в зеленой экспедиционной форме. Я сразу подумал, что это и есть мой гид.

– Доброе утро! – произнес он мягким баритоном. – Меня зовут Анвар. Виннер поручил мне провезти вас по нашим объектам. Вы готовы ехать?

– Да, конечно! – ответил я, приглядываясь к своему gidу.

– Тогда собирайтесь, – деловитым тоном произнес он. – Я буду ждать вас во дворе возле «Газика». Да, не забудьте захватить спальный мешок, дорога у нас длинная. Я быстро собрался и покинув душную камералку вышел во двор. Возле старенького вездехода «Газ-69» суетился Анвар и молодой русоволосый водитель.

– Сейчас заедем в чайхану «Салом» – она здесь под боком, заправимся и в путь к самоцветам, – улыбнулся Анвар.

Несмотря на раннее утро чайхана, утопающая в зелени и дразнящая аппетит своими запахами была открыта. Чайханщик поставил на наш стол медный чайник с крепко заваренным зеленым чаем по-ташкентски и плов. Заправившись тронулись в путь. Дорога от Ташкента обросла фруктовыми садами. Ярко-зеленая, ослепительная под южным солнцем зелень. А вдоль дороги тянулись домики белого, розового, желтовато-золотистого цвета, чайной розы. Эти краски наверно предназначены чтобы согреть душу в любое время года, как и лучезарное бирюзово-голубое небо. Клубится пыль из-под колес геологического «Газика», а в лицо дышит встречный ветер. За рулем молодой парень Володя Сорокин из Подмосковья. Как попал в Ташкент? Как и многие приехал на стройку восстанавливать Ташкент после землетрясения. Проработал на стройке водителем, прослышал про экспедицию и геология его увлекла. Третий год с геологами ездит, нрав веселый, общительный, умеет слушать, не перебивая (ценное качество), но когда начинает говорить сам, то уже не может остановиться – ему нужно разрядиться до конца. Любит песни Высоцкого и наши геологические, часто напевает, крутя баранку:

«Все перекаты, да перекаты
Послать бы их по адресу
На это место уж нету карты
Теперь плывем-плывем по абрису...»

Эта песня родилась где-то в Сибаре у первопроходцев, но вот перекочевала в Среднюю Азию. И где бы геологи не работали они поют одинаковые песни, ибо геологическое братство не знает границ. С моим гидом Анваром у меня с первого дня установились товарищеские отношения. Выпускник Ташкентского университета самозабвенно полюбил свою бродячую профессию, побывал на многих месторождениях Средней Азии, знает и любит родные камни. И пока мы были в дороге постоянно обменивались информацией. Анвар рассказывал о самоцветах Средней Азии, а я делился воспоминанием о монгольском камне. Мы объехали с ним немало геологических объектов, представляющих чисто профессиональный интерес, на которых останавливать внимание не буду. Основная цель к которой я стремился с самого начала была жила «Аметистовая». К ней мы подбирались долго, сложными путями. Стояла летняя изнуряющая жара, солнце жгло немилосердно, а в душной раскаленной кабине машины дышалось как в сауне. После нескольких мучительных часов автопробега по солнцепеку уже к вечеру мы добрались до предгорья Кураминского хребта. Перед глазами возникла панорама вытянутых в цепочку сглаженных сопок, представляющих собой сплошные коренные выходы пестроцветный пород, напоминающих разрезанный слоеный пирог. Спустившись по широкому сухому руслу, машина урча и переваливаясь с боку на бок, свернула немного в сторону остановилась на относительно ровной и широкой площадке возле брезентовых палаток. Так мы наконец подъехали к полевому лагерю поискового отряда геологов, работающих на жиле «Аметистовая». Нас встретили радостными возгласами, приветствиями, усадили возле дымящегося костра, напоив крепким зеленым чаем, накормив настоящим узбекским пловом, умело приготовленным на костре. Встреча с коллегами по профессии всегда интересна и греет душу. А в ту ночь на жиле «Аметистовая» мы долго не ложились спать, сидели у костра, попивая зеленый чай и немножечко «огненной воды», которую я прихватил на особый случай. Говорили «за камень» вообще, и о том, что нашли в этом пустынном и неприглядном на первый

взгляд месте. Уже за полночь, забравшись в холодный спальный мешок я забылся тем неглубоким тревожным сном, когда в настороженном мозгу скользили как льдины разорванные фантастические ведения. Под утро я проснулся от какого-то оглушительного раската, похожего на обрушившуюся в бездну скалу. С трудом разомкнув веки я выбрался из спального мешка и вышел из палатки. В лицо пахнуло утренней свежестью и ледяным холодком. Звуки похожие на обвал исходили с ближайшего холма, смутно темневшего в сизом предрассветном тумане. Спать уже не хотелось и какая-то неведомая сила подхватила меня и потянула к холму, откуда раздавались странные звуки. Дойдя до него я поднялся по склону и пройдя немного по нему неожиданно наткнулся на вырытую канаву – еще свежую геологическую выработку на жиле «Аметистовая». Возле канавы были сложены кучи камней, сливавшиеся с поверхностью. Я присел у канавы пытаюсь разглядеть камни, но это не удавалось. Между тем предрассветные сумерки таяли и открывали резко очерченные и оголенные ребра холма.

И вдруг холодное и серое как сталь небо словно зажженное волшебной силой полыхнуло призрачно-зеленым светом. А вдоль горизонта над вершинами гор зажглась заря и словно заревом пожара охватила быстро меняющееся по цвету небо. Из-за гряды гор робко выглянул краешек, а затем выплыл и весь солнечный диск. Вершины и склоны угрюмо застывших холмов внезапно ожили и окрасились в оранжевые и сиреневые тона утренней зари. Я взглянул на лежавшие у моих ног кучи камней и восторженно вскрикнул. Камень отражал чистую и многоцветную палитру возникшего на моих глазах чуда природы. Я опомнился, когда услышал совсем рядом внизу звук падающего камня. Резко обернувшись я увидел, поднимающегося ко мне Анвара.

– Куда вы торопитесь в такую рань? Еще даже чаю не попили! – сказал подходя ко мне Анвар.

Во рту у меня пересохло то ли от жажды, то ли от волнения так что трудно было говорить. В ушах стоял звон. И в этот момент я испытывал то волнующее, незабываемое предчувствие, вернее предвкушение какого-то необыкновенного открытия. Прекрасное мгновение знакомое каждому искателю, вставшему на трудную каменистую тропу, по которой взбираются к вершине истины. Нагнувшись я поднял с поверхности первый камень с этой жилы «Аметистовая». Вот она эта самая загадочная кварц-аметистовая брекчия! Пестроцветная порода, сложенная обломками сургучно-коричневой яшмы, сцементированной разноцветным кварцем. Геологи знают, что подобные породы возникают в напряженных участки земной коры, в зоне тектонического разлома. Земная кора в этих местах дрожала и раскалывалась на глыбы и остроугольные обломки пород. Но затем на смену разрушительным силам природы пришли восстановительные, созидательные. Горячие или как их называют гидротермальные кварцевые растворы внедрившиеся в толщу разрушенных пород произвели их цементацию плотным кварцем, образуя мощную зону окремнения вдоль разлома. Так образовались кварцевые брекчии, которые за долгий геологический период подверглись не раз действию пульсирующих кварцевых растворов, включая самые последние низкотемпературные с которыми связан аметист.

Мы с Анваром просмотрели массу камней выложенных в виде куч возле пройденных поисковых канав. В некоторых местах брекчии были пронизаны густой сетью кварц-аметистовых прожилок. Именно в этих местах по словам Анвара встречались иногда щелевидные полосы с кристаллами непрозрачного аметиста, непригодного для огранки.

– Да, жила «Аметистовая» не оправдала своего названия, – сокрушенно вздохнул Анвар. – Теперь вся надежда только породе, вот эту самую брекчию, которая поражает своим разнообразием. Этим камнем заинтересовался даже один историк побывавший у нас.

– Уж не Салихов случайно, – поинтересовался я.

– Вы его знаете? – удивился Анвар.

– Да, нет только слышан от вашего главного геолога.

– А что делал этот вездесущий историк на вашей жиле.

– Весь день проторчал на выработках, набрав полный мешок камней и довольный уехал с попутной машиной. Да, еще поковырялся в древних копиях наверное так для интереса.

– Как здесь есть древние копи? – воскликнул я с изумлением. – И ты молчал Анвар!

– Пошли, это совсем рядом, – невозмутимо промолвил Анвар. Поднявшись на плоскую вершину холма Анвар подвел меня к древней выработке. Она представляла собой яму диметром около двух метров, засыпанную землей и едва заметную на поверхности. Пройдя немного мы наткнулись на вторую копь, а за ней также незаметно обнаружилась третья. А дальше уже шли крупноглыбовые развалы пород, покрывающие мощным плащом поверхность холма. Я заметил, что все древние выработки вытянуты в одну прямую линию и расположены на равном расстоянии друг от друга. Мы измерили это расстояние шагами и получили одинаковый результат. Тогда Анвар вытащил из своей куртки рулетку и мы замерили расстояние между копиями уже точно – оно равнялось ровно 12 метрам.

– Интересно! – воскликнул Анвар. – Похоже, что древние рудокопы руководствовались этим магическим числом. Но что они искали? Как мы аметист или что-то другое?

– Это можно установить! – ответил я ему. – Надо расчистить эти копи, хотя бы две крайние. Поставь двух ребят-проходчиков на расчистку и сегодня быть может мы раскроем эту тайну.

– Будет сделано – воскликнул Анвар и в его больших широко раскрытых карих глазах полыхнули огоньки азарта. Мы спустились вниз и вернулись в лагерь, где нас ожидал простой, но сытный походный завтрак. После него у полевиков начинается самое главное – работа на жиле. Вместе с бригадой горнорабочих мы с Анваром вернулись на жилу, где проводились разведочные работы. Анвар сразу поставил двух здоровых парней на расчистку древних копей. И пока они, вооружившись кайлой и лопатой начали усердно расчищать древние копи мы с Анваром пошли осматривать этот интересующий меня геологический объект. Жила «Аметистовая», местное название «Канджола» находится в Кармазарских горах вдоль крупного глубинного разлома. Протяженность ее велика – около десяти километров, при ширине от 20 до 100 м. Это по сути жильная зона, которая сложена брекчированными породами – сургучными яшмами, сцементированными белым кварцем и сиреневым аметистом. Аметист также инкрустирует мелкие пустотки в кварцевых прожилках. Иногда в местах сгущения и утолщения кварцевых прожилок возникли более крупные полости с крупными (до 10 сантиметров) кристаллами аметиста густой фиолетовой окраски, но почти не прозрачных. Мы прошли с Анваром около километра, по жильной зоне, часто останавливались и разглядывали на поверхности высыпки брекчий, которые поразили меня своим многообразием. Создавалась впечатление, что здесь можно найти высокодекоративный поделочный камень. Вот только где зацепиться? Может копи, что-нибудь подскажут? И вот мы снова вернулись к древним выработкам. Ребята старательно расчищали их, выкладывая обломки пород, смешанные с землей на бортах копи. Усевшись возле кучи камней мы стали перебирать извлеченные из ямы камни, иногда смачивая их водой из фляжки. Мне охватило волнение, похожее на азарт присущий старателю или кладоискателю.

Анвар покосился на меня с удивлением и спросил:

– Что вас так волнует в этой яме? Обычный материал, такая же брекчия как и в наших выработках.

– Нет, Анвар, здесь должно быть нечто необычное. В этих камнях я вижу нечто большее, чем просто необычный декоративный материал, из которого можно что-то сделать.

– А что именно? – в больших широко раскрытых глазах Анвара вспыхнули огоньки любопытства.

– За этими камнями возможно скрываются какие-то исторические события, человеческие судьбы о которых пока не знаем. Археологи ковыряясь в своих раскопках читают их как древние книги, раскрывая их тайны, узнавая о том что было когда-то в далеком прошлом.

И вся информация заключена в предметах материальной и духовной культуры – в осколках посуды, монетах, украшениях и прочем.

– Но это же все сотворили люди, а камни творения природы, – возразил Анвар.

– Камни из древних копей добывали люди и исследователю важно знать для какой цели они использовались и какой след оставил в истории! Между тем энергичными действиями проходчиков копи постепенно расчищались и наконец в одной из них приоткрылась свежая коренная часть жилы. Эта порода по составу и строению заметно отличалась от аметистовой брекчии, на которую мы достаточно насмотрелись. Да и брекчией ее по большому счету нельзя было назвать. Это был плотный монолитный камень состоящий из белого и фиолетового, аметистового кварца, образующих зональную гребенчатую структуру. Такая же порода появилась и в стенках другой копи, при ее расчистке. Всматриваясь в эту породу я не мог отделаться от мысли, что где-то видел нечто подобное. Но где и когда? И вдруг вспомнил. Я чуть не подпрыгнул от охватившей меня радости. Ну конечно, же этот камень я видел в Монголии на проявлении аметиста Харнасту-обо. Мы там тоже искали аметист в кварц-аметистовой жиле протяженностью свыше 200 метров. Жила была сложена несколькими генерациями кварца, белого, дымчато-серого и фиолетового цвета. Аметист в жиле преобладал и создавая в жильной массе гребенчатые кристаллические агрегаты. Изредка здесь в жильной массе встречались мелкие гнезда с мелкими кристаллами слабо прозрачного аметиста. Да, хорош аметист в монгольской жиле, но сам жильный материал заинтересовал как поделочный камень. Его называли аметистовый кварц. А спустя какое-то время я увидел в руках монгольского шамана шарик из этого камня, который он держал в ладонях. Аметистовый кварц – медитативный камень!

Я вздрогнул от того, что кто-то трясет меня за плечо и увидел встревоженно-удивленные глаза Анвара.

– Что с вами? Вы словно отключились и никак не реагируете.

– Все в порядке, Анвар. В этих копиях мы нашли ключ к разгадке. Древних интересовал не сам аметист, а вот этот аметистовый кварц как поделочный камень. Аналог ему имеется в Монголии, я наконец-то вспомнил.

Теперь твоя задача разведать жилу именно на этот камень. Ну, а мне надо раскручивать этот сюжет дальше. А для этого надо срочно ехать в Ташкент для встречи с этим заезжим историком. Он не случайно побывал здесь и по-видимому что-то знает. Внутренний голос мне подсказывает, что сюжет с этим камнем имеет интересное продолжение.

– Все понял! – сказал Анвар, несколько взбудораженный моими словами. – Будем тогда действовать: отвезу вас сегодня на рудник Табошары, а оттуда вы рейсовым автобусом или попуткой доберетесь до Ташкента.

Так мы и порешили. В тот же день не без сожаления я покинул жиду «Аметистовая» и с первой оказией выехал из Табошар в Ташкент.

Беседы о Тамерлане в чайхане «Салом»

Мы привыкли в городах постоянно куда-то спешить и суетиться по разным причинам. Любая задержка в пути, ожидание чего-либо или кого-либо заставляет нас хмуриться, поглядывать на часы торопиться, испытывая нервное напряжение. В экспедициях к ожиданию относятся спокойно: здесь срабатывает устоявшаяся веками терпеливость охотника. Недаром в Монголии бытует поговорка: «Не спеши, когда цель наметил». Геологи привыкли следовать этому правилу, отвыкая и вырабатывая в себе здоровый неторопливый ритм повседневной жизни. В самом деле спешка в горах может привести к тому, что останешься в них навсегда. А что толку сетовать на погоду в ожидании самолета или вертолета, лучше отвлечься другими делами. Суета и нервозность ожидания ничего изменить не могут.

В этой моей поездке по месторождениям самоцветов Узбекистана не было никаких осложнений и мы добирались на нашем газике практически до всех интересовавших меня объектов. Обедали в дорожных чайханах, ночевали под открытым небом под тенью фруктовых деревьев. И никакой спешки! Казалось время остановилось и на душе было гладко и спокойно, как в море во время полного штиля. Но посещение жилы «Аметистовая» нагнало на душу волну, изменило мои планы. Попутной машиной спешно выехал из Табошар в Ташкент. И в дороге меня все время подгоняла одна мысль: только бы успеть застать на месте этого вездесущего историка. Я уверовал себя в том, что именно он поможет раскрыть тайну аметистовых копей.

В ташкентской экспедиции я сразу же направился к главному геологу, доложил ему о результатах своей поездки и сразу же поинтересовался об историке.

– Что не терпится встретиться? – усмехнулся Виннер.

– Да он вчера вернулся из поездки в Тамерланову пещеру.

– Тамерланова пещера!? – удивился я.

– Да так называется проявление мраморного оникса в отрогах Гиссарского хребта в Зирабулак-Зиаэтинских горах. Там издавна известны красивые полупрозрачные ониксы в виде сталактитов в карстовых пещерах среди известняков. К сожалению камня там практически не осталось и Тамерланова пещера представляет интерес для любителей или таких фанатов как этот историк. Ведь несмотря на свой возраст и нелегкую дорогу все же побывал в этой пещере. Да, он сам все вам расскажет. Кстати он сейчас здесь, в экспедиции: либо в музее, либо в камнерезке. Телефонный звонок прервал наш в общем уже законченный разговор. Кивнув Виннеру я стремительно вышел из кабинета главного геолога. И сразу устремился в камнерезный цех и действительно нашел там интересующую меня личность. Он стоял возле камнерезного станка, за которым орудовал мой знакомый Руфат. С виду обычный пожилой мужчина невысокого роста, одетый в летний белый костюм с узбекской тюбетейкой на короткостриженной черной голове с легкой проседью. По виду его можно было принять за местного знатного хлопкороба или сельского учителя.

Я подошел к ним и увидел как Руфат пилит кусок мраморного оникса размером с добрый кулак. Сомнений не было, что это и есть тот самый оникс, о котором мне поведал главный геолог.

– Хороший оникс из Тамерлановой пещеры! – вставил я свое слово, когда Руфат подал две распиленные пластинки историку. Тот повернулся ко мне лицом и вонзил в меня пронзительный взгляд темных глубоко запавших немигающих глаз.

– Это вы из треста «Цветные камни» – спросил он. Я кивком головы подтвердил его догадку и сказал, что хочу с ним поговорить. Он протянул мне сухую еще крепкую руку и представился:

– Салихов Сердар Алиевич.

Я назвал себя и стоя терпеливо ожидал, когда он освободится. Руфат без труда распилил ему несколько камней, которые историк аккуратно завернул в газету и положил в свою сумку. Затем полез в карман, решив по-видимому рассчитаться с камнерезом, но Руфат решительно отказался.

– Нэ надо! Мнэ хватит и кусочка этого камня на память.

Мы вышли с Салиховым из шумного, но прохладного камнерезного цеха и сразу окунулись в полуденный изнуряющий зной.

– Чем могу быть полезен, молодой человек. Что вас интересует? – спросил Салихов, ища глазами где можно спрятаться от солнцепека.

– Меня интересует камни как и вас раз мы встретились именно здесь в экспедиции.

– Логично! – промолвил Салихов. Но я не специалист по камням и меня они интересуют постольку поскольку связаны с жизнью определенных исторических личностей.

– И меня это тоже интересует, хотя я не историк, а технарь, занимающийся сугубо производственными делами, – ответил я. – Но любая проблема начинается с истории и мне интересно знать какие камни и как именно использовались в древности, а если конкретно, то во времена Тамерлана.

– Вот как! – удивился Салихов. – Кажется наши интересы совпали.

– Однако, что мы стоим на этом солнцепеке. У меня есть предложение продолжить нашу беседу в более прохладном и уютном месте.

– В чайхане «Салом»? – поинтересовался я.

– Угадал, – ответил Салихов и улыбнулся широкой доброжелательной улыбкой.

Я понял, что лед недоверия сломлен и с радостью зашагал к уже знакомой мне с первого дня чайхане.

В чайхане было многолюдно, ибо лучшего места, где можно было пересидеть жару вблизи не было.

Чайханашик Рустам, массивный, бритоголовый, похожий на борца, несмотря на свой избыточный вес довольно резво передвигался, держа в обеих руках медные чайники с чаем. Увидев Салихова и меня он приветственно кивнул головой и устремился дальше, лавируя между столиками. Свободных посадочных мест в чайхане в час пик конечно не было. Мы удрученно вздохнули и в растерянности оглядывались по сторонам, надеясь на чудо. Но люди здесь сидели плотно и не замечали времени.

– В этом нет нечего удивительного, – заметил Салихов. – Такое время проведения в чайхане часто бывает чисто деловым. Сидят хозяйственники, снабженцы, ваш брат геолог спасаясь от жары, и за чаем решают деловые вопросы, обсуждают последние новости. Чайхана как клуб, открытый для всех желающих.

Мы постояли еще немного у входа переминаясь с ноги на ногу, не зная что предпринять. Выручил чайханщик Рустам.

– Падаждитэ нэмного! Сейчас два «туза» освободят во-он то место! – кивнул он на уютный столик на балконе. Там сидели два раскрасневшихся солидных мужчины в национальных тюбетейках на головах и допивали второй чайник. Но вот они, наконец-то поднялись со своих мест, утирая с лица пот, захватили портфели (главный атрибут начальника) и оживленно беседуя, направились к выходу. Чайханщик молниеносно убрал столик и вскоре вернулся неся нам чайник с чаем, поднос с двумя пиалами и тарелку с плитками вареного сахара золотисто-коричневого как каленый янтарь цвета.

Удобно устроившись мы некоторое время сидели молча с наслаждением попивая небольшими глотками душистый зеленый чай, прекрасно утоляющий жажду. Я обдумывал за чаем с чего начать разговор, но Салихов сам пришел на помощь.

– Ну-с! С чего начнем молодой человек? – сказал он профессорским тоном.

– Постараюсь объяснить вам почему у историка появился интерес к вашим самоцветным камешкам. В школьных учебниках и книгах современных авторов многие исторические личности – цари, короли, ханы, султаны и прочие сильные мира сего представлены весьма схематичными фигурами, многие оболганы и облиты грязью. Даже древние рукописи и летописи зачастую писались в духе своего времени и в угоду власти, а потому многие исторические события как и личности искажены и лишены правды. Но императоры и завоеватели были тоже людьми и ничто человеческое им было не чуждо: они тоже любили, страдали, у них были разные увлечения и страсти в жизни.

А согласно учению философа Флоренского, каждый человек в своих поступках, действиях, творчестве проецирует себя в окружающее пространство. Вольно или невольно он проецирует себя на бумагу, запечатывает свой ум, свой характер в письмах, дневниках, указах и прочем. Даже по почерку можно определить характер человека, хотя у нас графологию объ-

явили лженаукой. Охарактеризовать человека можно даже по его пристрастиям к определенным вещам, к тем же камням.

– Что вы знаете о Тамерлане? – неожиданной спросил Салихов, пытливо взглядываясь в меня.

– Очень мало к сожалению, – ответил я.

– Вот-вот! – У вашего поколения о нем сведения из нескольких учебников или энциклопедий, где говорится только об исключительной жестокости средневекового завоевателя и больше нечего. А между тем образ его вдохновлял многих писателей, политиков и даже советских деятелей. Знаете ли вы, что М. В. Фрунзе с самого начала посвятив себя борьбе за светлое будущее человечества выбрал в качестве образца для подержания именно Тимура. Историки характеризующие деятельность Фрунзе отмечают его выдающийся полководческий талант, проницательность и удивительное обаяние. Приводят примеры удивительного для большевиков гуманизма, рыцарского благородства и в то же время примеры жестокости и коварства – смотря что было выгодно в данный момент для достижения победы.

– Да, Фрунзе старался подражать во всем своему любимому герою, именем которого он назвал своего единственного сына. Ну, а известный нам писатель Аркадий Гайдар взял это имя для героя своей детской книжки «Тимур и его команда». Я помню, как эта книга, написанная на кануне Великой Отечественной войны вызвала по всей стране патриотические движения среди мальчишек названное «тимуровским». Но вернемся к самому Тимуру, непреклонному и целеустремленному до жестокости, что соответствовало его духу и духу его времени. И несмотря на это он был великодушным и мудрым не рубил как говорится с плеча, а прислушивался к чужим мнениям. Вот например, Тимур впервые ввел классификацию людей, которые служили ему разделив их на 12 классов. Сохранился и его указ, в котором говорится: «Величие и основа моего государства впредь будет опираться на 12 классов, которые я считаю двенадцатью знаками Зодиака, двенадцатью месяцами моего правления».

В этом своеобразном табеле о рангах Тимур подробно определил назначения и обязанности каждого класса. Вот, например, что сказано о втором классе, я его почти полностью запомнил: «Я причисляю к нему людей интеллигентных, способных дать совет, тех которые обладают знаниями и мудростью, и почтенных старцев, которым годы дали проницательность будут также пользоваться моим полным доверием. Со всеми этими людьми я буду обращаться как с равными, ибо делаясь со мной своим опытом, они тем самым дадут мне большое преимущество». Вот так! И написан был указ твердым, воистину железным почерком, в котором тоже отразился характер Тимура.

– Недаром это имя происходит от монгольского «Тумур» – железо, – вставил я свое слово. – В Монголии много имен и производных от этого слова, скажем Тумур, Тумэр, Тумурских, Тумурбатар и другие. Но в истории он больше известен как Тамерлан (Тимур-хромец) за увечье, которое он получил еще будучи молодым в неравном бою, – ответил Салихов.

– А какой народ дал миру великого Тимура?

– Тимур принадлежит к тюрско-монгольскому племени барласов – выходцев из Монголии. Барласы пришли в Среднюю Азию вместе с ордами Чингизхана, осели в предгорьях западного Памира в районе цветущего городка Кеша. Этот древний городок давший миру Тимура издавна населяли тюркоязычные племена, а также выходцы из Персии и Индии. Само название города Кеш древнеиндийское и переводится как «лучезарный». Барласы смешались с местным населением, приняли тюркский язык и культуру, а затем религию ислам. Тимур же имеет корни ведущие к Чингизхану. Кем был его великий предок Темучин вошедший в историю как Чингизхан? Происхождение и внешний облик горного хана часто представляют в искаженном виде. По свидетельству персидского историка Рашида-ад-Дина и монгольским легендам Тимучин был высокого роста, рыжебородый и имел голубые глаза. И все дети в его роду рождались

белокурыми с голубыми и серыми глазами, а когда у него родился черноволосый внук Хубилай он якобы очень этому удивился.

Все это делает вероятным предположение Грум-Гржимайло о значительной примеси в роду Чингизхана к монгольской крови динлинской или вообще его род был динлинским.

– Кто такие динлины? – поинтересовался я.

– Динлины (по-китайски «Рыжеволосые») представляли восточную ветвь скифов, обитавших в Сибири, в районе Саян, а затем мигрировали в Монголию и Северный Китай. Себя они называли русами и вероятно принадлежали к славянскому племени.

Тимур унаследовал черты рода Чингиза: он имел огромный рост – около двух метров, обладал большой физической силой, имел европейский тип лица и серые глаза. Так или иначе в жилах Тимура текла кровь разных народов и может быть в этом одна из причин его многогранного таланта и гениальности.

– А каким увлечениям, страстям был подвержен этот человеческий феномен – задал я конкретный вопрос. Салихов немного задумался, отпив из пиалы чая и своим размеренным голосом как на лекции продолжил рассказ.

– У Тимура было много увлечений и человеческое ему не было чуждо. Главные его страсти были женщины, охота, шахматы и камни.

Да, Тимур был любвеобильный человек, одних только официальных жен у него было восемнадцать. Но в отличие от изнеженных султанов и шахов он не имел гарема, ибо провел всю жизнь в походах и умер в седле как настоящий воин. Увлекался охотой на диких зверей, не раз ходил с одним копьём на свирепого камышового тигра. Прекрасно играл в шахматы, в эту мудрую древнюю игру и не имел себе равных в ней.

Ну и особое пристрастие Тимур питал к камням, неукротимая любовь к ним, как и к женщинам, прошла через всю его жизнь. Вот почему молодой человек, я приехал в Ташкент, собираю сведения о камнях в вашей экспедиции и в фондах узбекской академии наук.

– А в чем воплотились эта любовь Тамерлана к камню?

– Одним из многих деяний Тимура было строительство дворцов, мечетей, мавзолеев и других величественных сооружений в столице своей империи Самарканде. Но наибольшую славу ему принесло сооружение Аксарая – Белого дворца в его родном городе Кеше, который Тимур переименовал в Шахрисабз (Зеленый город.) В сооружении грандиозного здания Аксарая участвовали знаменитые зодчие из Багдада, из Персии, Индии и Самарканда. Все лучшие природные материалы везли с разных мест огромной империи Тимура. Разноцветный мрамор везли с гор Китаба, узорчатый оникс из «пещер Тамерлана», «камень неба» – лазурит доставляли из Бадахшана, а нефрит из Кабулистана. И когда Аксарай был возведен он поразил своей грандиозностью и величием все что было до того времени известно. Один из очевидцев оставил такую запись: «Темная ночь озаряла белизну стен Аксарая, а площадь перед дворцом была вымощена камнями бирюзового цвета, более сочного и глубокого, чем цвет неба». К сожалению это изумительное творение Тимура было разрушено. Но и сегодня остатки Аксарая в виде уцелевшего портала высотой 40 метров поражают своим величием. Я вам советую побывать в Шахрисабзе – это удивительное место.

– А какие камни Тамерлан имел при себе? Ведь были же сугубо личные камни с которыми он не расставался?

– Да, были у него любимые камни которые сопровождали его в походах, укрепляли его силу, дух, помогали концентрировать внимание и принимать решения. Камни Тимура – от первого до последнего наилучшим образом воплощали в ум и дух своего владельца.

– И вы знаете каким был первый камень Тимура?

– Теперь знаю. Это был красный коралл, вставленный в большое серебряное кольцо. А что вы как специалист скажете об этом камне – спросил Салихов.

– Кораллы не камни, а творенья живых организмов, выросших во мраке морских глубин. В Индии кораллы (а они весьма разнообразны по цвету розовые, красные, черные и даже синие) почитались не только за красоту, но и за их целебные и магические свойства. О красном коралле в индийской «Аюрведе» сказано, что он контролирует ненависть, гнев, зависть и стимулирует духовное пробуждение.

– Весьма любопытно! – оживился Салихов. – Значит индийцы считают коралл стимулятором духовного пробуждения или совершенствования. А ведь так и было! В восемнадцать лет Тимур, сын эмира города Кеш Тарагая Бахадура вдруг круто изменил свою привычную жизнь. Он облачился в серый халат странствующего монаха – дервиша, покинул родной Кеш и уединился в горах в затхлой келье за чтение корана, хадисов, стал соблюдать пост и вести суровый аскетический образ жизни. Он строго следовал указаниям своего духовного наставника, который ему якобы сказал:

«Великим царем ты станешь тогда, как только смиренно пройдешь через все испытания путь нищего дервиша. Таков закон Небес». Нелегко было сыну эмира оказаться в среде монашеской братии, сносить все тяготы и унижения. Но он все преодолел и в награду получил от своего духовного наставника символ посвящения – большое серебряное кольцо с огненно-красным кораллом. На нем была надпись начертанная арабской вязью: «Если во всем будешь справедлив, то всегда встретишь удачу».

По свидетельству очевидцев Тимур никогда не расставался с этим кольцом и оно горело на безымянном пальце левой руки, словно напоминая о предназначении этого талисмана. Однако, на сегодня хватит – сказал мой собеседник. – Пора приступить к принятию пищи: закажем узбекский лагман или шашлык. А завтра можем продолжить разговор о камнях Тамерлана в этом же месте и в такое же время. Согласны? Я с благодарностью согласился. Так состоялась моя первая встреча с Сердаром Алиевичем Салиховым, «живой историей», как прозвали его геологи в ташкентской экспедиции.

О «рубине Тимура», павлиньем троне Великих монголов и горном орле Индии

– Слышали ли Вы о «рубине Тимура»? – спросил меня Салихов во время нашей следующей встрече в чайхане «Салом».

– Это один из самых крупных и знаменитых красных камней (весом около 350 карат (70 грамм), величиной с голубиное яйцо. Но как показали исследования этот драгоценный камень не рубин, а красная шпинель – Лал. Раньше эти два внешне неотличимые камня объединялись под общим названием «Рубин». Насколько я помню «рубин Тимура» хранится в Англии. А вот как он попал к Тимуру, а в конце концов оказался в Англии мне неизвестно, – ответил я.

– О, у этой драгоценности удивительно романтическая история. «Рубин» попал к Тимуру в 1398 году во время его похода в Индию. Завоевание Индии было заветной мечтой Тимура: то что не удалось сделать Александру Македонскому должен был сделать он своим победоносным войском. Эта победа была для Тимура тяжелой, но как пишет участник похода историк Гийасаддин Али «божественная помощь сопутствовала знаменам завоевателя мира, а небесное счастье было его предводителем и проводником».

Правитель Индии султан Махмуд выставил против Тимура огромную превосходящую по численности армию, включая грозное оружие – сто двадцать боевых слонов.

– По свидетельству того же персидского историка «... сто двадцать боевых слонов волновались как страшное море от ветра, будучи расположены в боевом порядке в вооружении и боевых доспехах. На спинах горообразных слонов были положены круглые деревянные сидения, подле ряда слонов стояли извергающие мрак и гром орудия, а на каждом слоне сидело по несколько стрелков из лука, а хоботы слонов были соединены вместе. Сколько бы ни были

победоносному войску Тимура обычны и знакомы войны и хотя оно участвовало во множестве страшных сражений, но при виде огромных боевых слонов сердца замирали, исчезало присутствие духа, лошади в страхе шарахались в сторону и воины не могли приблизиться к слонам».

– И что же помогло Тимуру одержать победу? – спросил я, воспользовавшись минутной паузой. Салихов закрыл свой блокнот с выписками из исторических книг, не спеша сделал глоток чая и сказал:

– Он одержал победу благодаря своему полководческому таланту и личному примеру. В решающий момент сражения он возглавил личную гвардию и повел ее в атаку на неприятеля. Его появление внесло страх и смятение в рядах неприятеля и сопротивление было сломлено. Сто тысяч пленных было захвачено после этого сражения. Тимур взял столицу Дели и овладел несметными сокровищами индийских царей. Среди драгоценных камней оказался темно-красный необработанный рубин, который сразу привлек внимание Тимура. Надо отметить индийские цари очень почитали рубин, считая его сгустком горячей орлиной крови, дающий власть и непреодолимое воздействие на людей. Весьма любопытно, что рубин индийские правители часто добавляли к вину для крепости. Это поверье сохранилось довольно долго.

– Возвращаясь из индийского похода будучи в Персии, в Исфагане Тимур повелел мастеру-ювелиру вырезать на камне такую надпись:

«Этот рубин из двадцати пяти тысяч подлинных драгоценностей царя царей Сахибкирана из сокровищницы Индустана».

Под именем Сахибкиран («Рожденный под счастливой звездой») Тимур был известен в мусульманском мире. И так его называли самые близкие из его окружения.

Свой камень-талисман Тимур увез затем в Самарканд и там местный мастер закрепил камень в острой верхушке боевого шлема полководца. Рубин был излюбленным камнем у мусульман. Полагали, что всевышний создал его для великих людей, которых поведет к великим подвигам и победам. И добавляли при этом, что «всякий носящий рубин, должен обладать добрым сердцем, хорошей памятью, острым знанием и умом». Эти качества были присущи Тимуру. Шлем увенчанный рубином как надежный талисман оберегал его в боях и неизменно приносил победу. Этот талисман был с ним в походе против турок-османов. Кто такие турки-османы? Тюркские племена, выходцы из глубин центральной Азии. В конце четырнадцатого века дикие орды турок-османов во главе с султаном Баязидом завоевали обширную территорию малой Азии и на Балканах. Объединенные силы западных рыцарей-крестоносцев во главе с королем Сигизмундом Первым пытались остановить это нашествие, но были разбиты. Турки закрепили свое господство на Балканах, завоевали Болгарское царство и готовились к походу на русские княжества.

После завоевания Индии Тимур направился в поход против турок и разгромил армию султана Баязира в битве при Анкаре, а самого его взял в плен. В этой битве Тимур принимал личное участие как воин. Его боевой шлем принял на себя сабельный удар турка, но к счастью ни он сам ни его рубин не пострадали. Как посчитал его придворный маг-индус спасла необычайно сильная магическая сила рубина. Кроме самой первой надписи на талисмане Тимура были вырезаны имена многих его владельцев.

А первыми владельцами «рубина Тимура», который был вынут из боевого шлема полководца стал его четвертый сын Шахрух, который успешно управлял огромной империей более сорока лет.

Для Шахруха камень его отца оказался счастливым и благоприятствовал во всех делах. А затем камень перешел к знаменитому внуку Тимура – Улугбеку. Он был не только достойным правителем империи Тимура, но и выдающимся ученым-астрономом. Улугбеку принадлежит уникальная постройка обсерватории вблизи Самарканда в виде круглого трехэтажного здания. В этой обсерватории эмир Улугбек работал со своими сподвижниками, проводил регу-

лярные астрономические наблюдения, послужившие основой для его трудов, принесших ему мировую славу. Однако, судьба Улугбека оказалась трагичной – он был убит религиозными фанатиками, недовольными его прогрессивными нововведениями. После смерти последнего из династий Тимуридов власть, а вместе с ней и рубин перешел к шаху Аббасу Сафави. А тот подарил камень представителю династии великих монголов шаху Джахангуру, который повелел вырезать на камне свое имя и имя своего отца, мудрейшего шаха Акбара. Так «рубин Тимура» снова вернулся в Индию и стал родовой реликвией Великих Монголов. Обладателем «рубина Тимура» был и знаменитый Шах Джехан, создатель архитектурного шедевра в Агре – мавзолея Тадж-Махала, где погребен сам шах и его любящая жена Мумтаз-и-Махал. Он прославился еще и сооружением одного чуда – Павлиньего трона в Дели, в зале приемов дворца шаха. Этот трон стал шедевром ювелирного искусства и олицетворял собой величие и богатство Великих Монголов. По замыслу шаха Джехана трон был сооружен из груды драгоценных камней с верхушкой неотличимой от настоящего павлиньего хвоста. Лучшие мастера, художники и ювелиры Индии подбирали по тонам и оттенкам кашмирские и цейлонские сапфиры, египетские изумруды, оттеняли их отборным жемчугом, пересыпали алмазами и бесчисленным множеством других камней. И все же одним из главных украшений трона на котором восседал шах был «рубин Тимура», Шах Джехан тоже запечатлел на камне свое имя назвав себя Сахибкиран Санн (второй рожденный под счастливой звездой). Это имя принадлежало Тимуру и не принесло удачу Шаху Джехану, которых вскоре был свергнут своим сыном Аурангзибом также оставившим свой след на камне. Вскоре могущество Великих Монголов в Индии стало ослабевать. Властитель Персии шах Надир проведал о несметных богатствах и павлиньем троне Великих Монголов вторгся в Индию и наголову разрубил войска Мухаммад-шаха. Он отдал на разграбление захваченный индийский город Шахджеханабад, а побежденному Мухаммад-шаху послал свой ультиматум примерно такого содержания: «Я пришел сюда чтобы присоединить к Персии провинции Пенджаб и Кабул и получить Павлиний трон». Получив ультиматум Мухаммад-шах долго медлил с ответом. Он готов был лишиться своих провинций богатых лучшими пастбищами, рисовыми полями, сахарным тростником и кашмирскими сапфирами. Теми самими, которые сверкали в павлиньем троне. Но вот расстаться с павлиньем тронном, на котором восседала славная династия Великих Монголов правивших Индией – на такую жертву и позор Мухаммад-шах пойти не решился. И тогда в голове Великого Монгола родился план: изготовить копию Павлиньего трона и подсунуть ее Надир-шаху. И вот пока гонцы его везли Надир-шаху ответное послание по велению Мухаммад-шаха из тюрьмы Дели были тайно доставлены три непревзойденных фальшивомонетчика. Им было предложено в обмен на свободу изготовить копию Павлиньего трона. И мастера получив в свое распоряжение сотни алмазов, сапфиров, рубинов и других драгоценных камней в специально отведенном им тайном помещении приступили к работе. А когда копия была готова ее поставили рядом с оригиналом и принимавший работу Мухаммад-шах долго придирчиво осматривал оба трона, но не нашел разницы. И вот изготовленная копия павлиньего трона, этот бесценный подарок был подарен торжественно вместе с двумя провинциями Надир-шаху. Персидский правитель принимая подарок в знак своей благодарности возложил на голову Мухаммад-шах корону, которому даровал, таким образом падишахскую власть в Индии. Вот как описал этот исторический момент индийский летописец: «Они стояли рядом, как луна и Солнце, облокотившись на ослепительно сверкающий павлиний трон, из-за которого были пролиты реки крови». А он всего лишь был копией, о котором не знали ни летописец ни сам Надир-шах. Он ничего не знал о подвохе и довольный всеми «подарками» решил даже породниться с Великим Монголом, выдав своего сына за племянницу Мухаммада-шаха. После свадебного торжества и многодневного без удержанного веселья во дворце, похожего на пир во время чумы Надир-шах двинулся со своим войском в обратный путь. При переправе через реку Инд с помощью построенного понтонного моста сперва на противоположный берег переправился Надир-шах с Павлиньим

троном. Затем переправилось с трудом все войско отягощенное непомерным грузом военных трофеев. И тут визирь обратил внимание Надир-шаха на то, что его эмиры, тысячники и простые войны без счета награбили драгоценностей. «Что можно орлу, то нельзя фазану – сказал визирь. Подумай над моими словами, о великий государь». Надир-шах подумав, издал указ в котором под угрозой смерти приказал сдать в казну все награбленные в Индии ценности. И убоявшись обысков и расправы войны побросали в глубоководный Инд все награбленные золотые изделия и драгоценные камни. Но каждый из них затаил великую злобу на своего повелителя и желание рассчитаться с ним в удобный момент.

Вернувшись в Тегеран шах Надир уселся на Павлиний трон и занялся государственными делами. А его войска разбрелись по стране, но злоба глубоко засела в сердцах военачальников и простых воинов. Началась смута, которой воспользовались подчиненные шаха Надира Курдские племена. Они восстали против власти узурпатора, а деморализованная шахская армия не смогла им противостоять. Государственная казна, богатейшая сокровищница Надир шаха была разграблена курдами. В их руки попал Павлиний трон – копия, которую они разломали на куски и растащили по разным местам. А истинный павлиний трон так и остался в Индии. Махаммад шах потирал от удовольствия руки, радуясь тому как он обхитрил Надир шаха и сохранил драгоценнейшую реликвию Великих Монголов. Он конечно приписал удачу в этом деле магической силе «рубина Тимур». А потом по его повелению камень был вынут из павлиньего трона и на нем Мухаммад-шаха поставил свой автограф. После этого шах с благоговением поместил «рубин Тимура» в сокровищницу «Великих Монголов». Спустя столетие Индия утратила свою независимость и превратилась в колонию Великобритании. Сокровищница Великих Монголов была разграблена англичанами, а последнего из этой династии Бахадур-шаха сослали в Рангун, где он и умер. Обнаружив настоящий Павлиний трон англичане втайне от индийцев отправили его на парусном судне «Гросвинер». Но судно до Англии не доплыло, по скудным сведениям известно, что оно затонуло где-то у берегов Африки и Павлиний трон ушел навсегда на дно Индийского океана. А «рубин Тимура» вместе со знаменитым алмазом «Кох-и-Нор» («Гора света») и другими индийскими камнями из сокровищницы Великих Монголов перешли к Ост-Индийской компании, которая упаковав их отправила в Лондон обычным транспортом. В 1831 году «рубин Тимура» вместе с тремя мелкими шпинелями, жемчужинами и изумрудом соединенных алмазами стал главным украшением ожерелья, которое директора Ост-Индийской компании преподнесли английской королеве Виктории. Однако, сам камень и романтическая история с ним связанная находились в забвении более 100 лет. Пришло время и «рубин Тимура» был опознан по сохранившимся на нем надписям сильных мира сего. И теперь ожерелье с «рубином Тимура» находится в Лондоне, в Индийской комнате Букингемского дворца. Да, действительно камень Тимура принимали за индийский рубин и только в наше время специалисты установили, что это красная шпинель или лал. А ташкентские геологи уточняют, что «рубин Тимура» – это шпинель из памирского месторождения Кухилал, может этим и объясняется редкое созвучие Тимура с этим камнем: ведь он родился в предгорьях западного Памира. А может он любил его под впечатлением легенды услышанной от его придворного мага?

– Что это за легенда? Расскажите, Сердар Алиевич! – поинтересовался я.

– Хорошо расскажу у нас есть еще время.

В индийской легенде о происхождении рубина рассказывается о гордом и сильном орле, жившим высоко в горах. Ему не было равных во всем зверином царстве, и все избегали встреч с ним, но шли годы и на могучей груди орла появились белые перья – предвестники наступающей старости. С каждым годом он сокращал свои полеты и не мог уже догнать горных джейранов и косуль, скачущих по скалам и довольствовался тем, что опустошал птичьи гнезда. И понял тогда он, что близится к концу его орлиный век. Однажды, когда он сидел у своей пещеры в горах к нему подлетел филин и без опаски заговорил с ним как равный с равным:

– Послушай орел, ты грозная птица, но уже стар и тебе трудно стало добывать пищу. Я готов помочь тебе добывать пропитание: буду делиться с тобой пойманными мышами и землеройками. Только ты не разорь мои гнезда и не трогай птенцов.

Ничего не ответил филину орел, стыдно и горько ему стало. И сидя на краю бездонной пропасти вспомнил он, что сказал ему однажды ворон: «Лучше быть ползающим по земле муравьем, нежели мертвым тигром».

– «Нет», – подумал про себя орел, – ворон не прав. «Нужно вовремя родиться и вовремя умереть. Вот в чем главный смысл жизни». Тогда он, собрав последние силы поднялся в небо и с высоты упал на острые скалы. И брызги орлиной крови превратились в кроваво-красные камни – рубины. Недаром индусы называли рубин сгустком горячей орлиной крови. Вот такая легенда, услышанная Тимуром от своего индийского мага. Этот маг предсказал своему повелителю сколько тот проживет – шестьдесят девять лет. Тимур поверил магу и в отпущенный ему в жизни срок. И в последний год своей жизни отправился в поход на Китай чтобы завершить свои великие завоевания. И завершил там свою жизнь. По одной из версий: чувствуя как силы покидают его Тимур, сел на коня и понесся вскачь по степи. Да, так и умер в седле, на скаку, как гордый орел из индийской легенды.

О лазуритовом слонике, «камне победы» и нефритовой гробнице Тамерлана

Синий вечерний сумрак наполнял город, истомленный дневным изнуряющим зноем. В вечернее время можно было блаженно передохнуть, погружаясь в освежающую лицо прохладу. В чайхане «Салом» было всегдалюдно и в лютый зной и в относительно прохладные вечера. Но мне по душе было вечернее время, когда наступал спад бурной жизни, днем наступало состояние душевного покоя и равновесия. На Востоке видят полноту жизни в противоположностях: в труде, без которого нет радости отдыха, в опасностях без которых нет остроты ощущений и радости побед.

В этот раз, как обычно мы продолжили беседу за своим столиком. Чайханщик Рустам поприветствовал нас как старых знакомых и поставил на столик медный чайник с зеленым чаем, сахар и свежесдобитые лепешки.

– Ну-с! – сказал Салихов, – продолжим наше путешествие во времени по любимым камням Тамерлана.

– И много их у него было?

– Да, немало, но он отдавал предпочтение камням добытым из родных мест, т. е. с территории нынешней Средней Азии, Памира. Его любимый рубин, о котором мы говорили, оказался красной шпинелью с Памирских гор. Любимым камнем Тимура был и синий лядждвар – памирский лазурит. Он вообще обожал синий цвет. Даже его царский шатер был синего цвета с золотистыми крапинками точь-в-точь, как натуральный камень. Шелк для тимуровского шатра был специально выделан искусными мастерами в Багдаде. Лазурит почитал и его кумир – Искандер Двурогий (Александр Македонский). Среди жителей Памира бытует легенда о том, как местные умельцы изготовили огромный меч, рукоятка которого была сделана из синего памирского лядждвара (лазурита). И этот меч был преподнесен в дар Искандеру, когда он пришел со своим войском на Памир, освободив горцев от засилья персов. В этой легенде рассказывается, что, когда Искандер брал в руки этот меч, у него возникал необычный прилив энергии, ибо великая сила исходила от этого камня.

И еще старые сказители говорят, что от удара лазуритового меча возникло в горах живописное озеро Искандеркуль. Сказка? Конечно, но сказки и легенды рождаются не на пустом месте. А у Тимура был любимый синий слон, выточенный из памирского лазурита. Это уникальное камнерезное изделие попало к Тимуром после разгрома им Золотой Орды и взятия ее

столицы Бату-Сарая. Тимур любил держать в руках лазуритового слоника, предаваясь мечтам о предстоящем походе на Индию. В числе любимых камней Тимура была бирюза. В самом названии этого камня заложена удача, победа. Ведь свое название этот камень получил от персидского «фирузадж» – победа. Бирюза с глубокой древности добывалась в Персии, где самая лучшая небесно-голубого цвета. В Европу этот самоцвет пришел через Турцию, поэтому в западных странах за камнем закрепилось название «тюркиз» или «туркиш» (турецкий камень).

Ну, а бирюза – русское название камня, искаженное от персидского.

Во времена Тимура уже была известна среднеазиатская бирюза с месторождения Бирюзакан. Там до сих пор сохранились древние копи из которых добывали «камень победы». Так, что есть все основания полагать, что ручка и ножны меча Тимура были инкрустированы бирюзаканской бирюзой. «Камень победы» был установлен на победоносном мече завоевателя. Еще один камень связанный с именем Тимура. Это красный гранат, который китайцы называли «застывшей кровью дракона» и верили, что он придает необычайную силу. По свидетельству летописца перед походом Тимур и его воины пили гранатовый сок из чаши сделанной из красного граната, якобы поднимавшего боевой дух воинов.

Излюбленным камнем Тимура был нефрит, который на Востоке и, в первую очередь в Китае называли «камнем вечности», «божественным», «императорским» и тому подобное. У него много полезных свойств, о которых вы как специалисты знаете, тем более работали в Монголии. Там говорят его почитают так же как китайцы. Хотелось бы от вас услышать об этом.

– Извольте, Сердар Алиевич. В Монголии всегда почитали нефрит в особенности белого цвета – «цагаан хаш». Монголы считают, что цагаан хаш своим белым, священным цветом, мягким блеском, глубоким и спокойным тоном призван отгонять буйные страсти, вселять в душу покой и умиротворение. Недаром в народе бытует поверье: «Если тебя безудержно заносит куда-то, если в твое сердце закралась обида и злоба, не дай разгореться этим страстям. Возьми в свои ладони белый и скользкий как свиное сало цагаан хаш, сожми его крепче и он через некоторое время успокоит тебя». Может быть поэтому монгольские ламы – целители называли белый нефрит «камнем спокойствия», олицетворяющим главную заповедь Востока: «не волнуйся и не спеши, дней в году много». Но своих месторождений нефрита в Монголии не было, а поэтому его привозили из Китая. Китайский белый нефрит считался у монголов чисто мужским камнем. Из него монгольские мастера-дарханы делали курительные трубки и табакерки для нюхательного табака – хируги, вырезали фигурки животных, изготавливали украшения, шары для массажа. Общаясь с народными целителями я узнал от них, что цагаан хаш (белый нефрит) может служить индикатором душевного состояния своего владельца. К примеру, если шарик из белого нефрита используемый для массажа темнеет и становится непрозрачным, «глухим» – это сигнал о ваших грехах, ошибках или душевном кризисе. Сигнализируя об этом нефрит одновременно помогает исправиться, очиститься духовно и обрести покой и гармонию. Так считают монголы. А вот древние обитатели Монголии, хунны, использовали не китайский, а наш зеленый нефрит, который везли по шелковому пути с Восточных Саян, где у нас и поныне сосредоточены промышленные месторождения «камня вечности». Я видел в Монголии хуннские изделия из зеленого нефрита, извлеченные при археологических раскопках – кольца, амулеты, ножи, цилиндры типа жезлов. По мнению монгольских целителей зеленый нефрит, в отличие от белого, более «приземленный», способствующий укреплению физического тела, ограждающий своего владельца от всякого рода негативных влияний. Ну, а такие знатоки и ценители камня, как индусы тоже верили в магическую силу нефрита. Пример тому – легендарный идол «Сумнат», посвященный индийскому божеству Шиве. Этот идол был высечен из крупного монолита зеленого нефрита в виде фаллоса цилиндрической формы с верхом обработанным в виде полушария. Индийцы почитали его как символ жизнеутверждающего начала и силы.

– Это очень любопытно и проливает свет на то, почему Тимур любил именно зеленый нефрит. Считают, что у него был какой-то магический жезл из зеленого нефрита и этот камень стал его вечным надгробием в Самарканде.

– А откуда добыт этот нефрит? – У специалистов на этот счет разные мнения. Я специально занимался поисками ответа на ваш вопрос, – ответил Салихов. Перебрал массу литературных и архивных источников, пока случайно не наткнулся на «Горный журнал» за 1882 г. со статьей проф. Н. В. Мушкетова и В. В. Бека: «Нефрит и его месторождения». В ней и нашел сведения о нефрите ставшим надгробием на могиле Тимура в мечети Гур-Эмир. История этого самого большого по размерам обработанного нефрита романтична. В течение долгого времени доступ в мечеть европейцам-исследователям был запрещен и никто не знал природы и свойств камня. И только в 1879 г. проф. Мушкетову, живо интересовавшемуся Туркестаном, удалось добиться разрешения посетить усыпальницу Гур-Эмир и осмотреть надгробный памятник Тимуру и составить описание. По его измерению камень плитообразной формы имеет длину 1,92 м, ширину 34 см и толщину 30 см. Он подтвердил, что это нефрит, и обратил внимание на то обстоятельство, что трещиной, проходящей через середину, он разбит на две почти равные части. Возник вопрос: не произошла ли это трещина впоследствии, т. е. был ли нефрит первоначально единым монолитом или надгробие составлено из двух тщательно подогнанных друг к другу частей. Проф. Мушкетов в своей статье о нефрите Тамерлана рассказал о двух бытовавших тогда мусульманских легендах на этот счет. По одной из этих легенд камень был разбит при переноске во время завоевания Самарканда Надир-шахом. По другой легенде тот же алчный завоеватель Надир-шах велел расколоть нефрит, ища под плитой скрытые по его мнению сокровища. И наконец, в литературном источнике «История Самарканда» поведано о том, что надгробный камень похитили разбойники в надежде найти в нем спрятанное золото. Но при погрузке на верблюда камень якобы упал, раскололся, после чего разбойники бросили его. После этого муллы найдя брошенный камень снова водрузили его на могилу Тамерлана.

Все эти легенды и предположения едва ли могут быть подлинными, но несомненно одно, которое является истиной: камень был целым монолитом и его так или иначе разбили на две части. К такому выводу подошли проф. Мушкетов, который отметил, что памятник был сделан из одного валуна или глыбы нефрита, взятого из Памирских месторождений, возможно из долины Раскан-Дарьи. На это место указал исследователь Б. Л. Громбчевский, по образному свидетельству которого «прямо из воды выглядывают кажущиеся совершенно черными громадные глыбы нефрита».

Таким образом, можно считать доказанным, что нефрит на могиле Тамерлана имеет Памирское происхождение, а не привезен откуда-то из Китая, как это считают историки. «Камень спокойствия» установленный на могиле Тимура должен был охранять его вечный покой. Усыпальница Тимура Гур-Эмир была закрыта для посещения и охранялась в течение столетий. Всем было известно древнее предание: «Кто потревожит вечный покой Тимура, проклятие его падет на Землю». И только в наше лихолетье этот запрет был нарушен. И случилось это в канун Великой Отечественной войны. Но об этом поговорим в другой раз.

О загадочном камне, который помог Тамерлану выйти из душевного кризиса и удивительных предсказаниях индийского мага

На Востоке говорят, что жизнь похожа на базар с мелкими суетными желаниями, кипящими страстями и устремлениями, радостями и разочарованиями, приобретениями и неминуемыми потерями. А в конце концов все стихает и заканчивается, погружаясь в грустный закат, когда наступает время кратковременного отдыха и подведения итогов. Все преходяще в нашей земной жизни – люди, события, годы. Остается только память, воспоминания, кото-

рые сохранились в мозгу и постепенно исчезают, как тающий лед. И счастлив бывает тот, кто сохранил память минувшей жизни и тогда ему в награду за все пережитое приходит вторая молодость. Она не властна изменить человека физически, не разгладит морщин на его лице не устранил седину волос. Ее владением является душа, отражением души, как известно, являются глаза. Мне не раз доводилось видеть пожилых людей и почтенных стариков-аксакалов с ясными нестареющими глазами.

Это вторая молодость вошла в их души и уподобившись свету не гаснувшей звезды глядит на вас. Эти размышления пришли ко мне за время общения с Салиховым, этим увлеченным человеком с лучистыми молодыми глазами. Глядя на них, я не сомневался, что предложу ему в маршрут в заоблачные выси Памира он наверняка бы согласился. И пошел бы за мной как в бой несмотря на возраст натруженное сердце, ибо сохранил в себе молодую душу. Душу романтика, которая не имеет возраста.

В этот раз, как и прежде, я пришел в чайхану заблаговременно и поджидал Салихова, сидя за облюбованным нами столиком. Историк появился с опозданием немного запыхавшийся, но с довольным выражением лица. Он был в светло-сером костюме, при галстукке и с папкой в руках – вид официальный как у раиса¹.

– У меня была интереснейшая встреча в Институте Востоковедения Узбекской академии наук. Оттуда прямо в чайхану на продолжение нашей беседы. Но сначала давайте что-нибудь закажем помимо традиционного чая – я голоден, да и вы тоже как я погляжу, – сказал Салихов, глядя на меня своими ясными карими глазами Мы заказали чайханщику Рустаму по полной программе и продолжили нашу тему. Я решил задать ему давно мучавший меня вопрос:

– Сердар Алиевич! Ведь вы же не случайно ездили на жилу Аметистовая? Значит она тоже имеет какое-то отношение к Тамерлану?

– Да, вы правы, я ездил туда не случайно, пытаюсь распутать историю, связанную с одним загадочным камнем. Но давайте начнем все по порядку. В Институте Востоковедения среди старых рукописей я раскопал сведения о некоем камне который якобы спас Тимура. Это был какой-то пестроцветный камень похожий на бухарский халат под названием йашб. В другом источнике по древней медицине я встретил это название, о котором говорится, что он полезен при болях в желудке, а потому его привешивают на шею так, чтобы он находился вблизи от желудка. Тюрки использовали его для улучшения пищеварения и еще есть указания на то, что на камне нарисованы какие-то фигуры, от которых отходят таинственные лучи. В общем мистика, какая-то! Еще упоминается камень йаша, но Ибн Маса пишет, что он белого, молочного цвета, добываемый в стране Хотан – это по-видимому белый китайский нефрит. А йашб не есть йашб, а представляет собой какую-то яшму. В ташкентской экспедиции я познакомился со многими камнями, перебрал все яшмы и им подобные, пока случайно не наткнулся на эту породу с жилы «Аметистовая». Действительно бухарский халат – я их тоже пересмотрел немало. А после посещения этой жилы, осмотра древних копей у меня возникло предположение, что именно из этого камня был сделан магический шар, сыгравший большую роль в его судьбе.

– Какую же? – спросил я с нескрываемым волнением. – Сначала я хотел бы послушать Вас, как специалиста, – Мне важно знать состав, условия образования и особые свойства этого камня. Тогда будет легче нам распутать эту историю.

– Хорошо, постараюсь рассказать что знаю об этом камне. Кстати он завладел моими чувствами и думаю уже давно.

Начнем с названия, геологи назвали этот камень кварц-аметистовая брекчия.

Само название брекчия в переводе с итальянского означает – ломка. Порода состоит из угловатых обломков раздробленных пород, связанных воедино крепким кремнистым цемен-

¹ Раис (узб.) – начальник.

том, образуя прочную, твердую породу. Первоначальная порода была вишнево-красная яшма – она осталась в виде кусочков среди поглотившего ее кварцевого цемента. Цемент необычный из разноцветного кварца белого, желтоватого, дымчатого цвета и фиолетового аметиста, образующего плотные шестоватые агрегаты с белыми концентрированными кругами, так называемыми зонами роста. Порода необычна по многообразию цвета и затейливому рисунку. Есть камни, где обломки яшмы полностью «съедены» цементом – белым кварцем и аметистом. Их назвали аметистовый кварц. Как образовалась такая порода? В сложных и многоэтапных геологических условиях. Брекчии возникают при разрывных нарушениях в земной коре, в зонах разлома, когда происходят расколы в породах с дроблением и перемещением их. А затем через какое-то геологическое время проникшие по трещинам из глубины земли гидротермальные кварцевые растворы – плотно сцементировали обломки.

Итак, породы образовались в два основных этапа, первый – ломка, разрушение с образованием хаотичной массы и второй этап – восстановительный – цементация раздробленных пород с образованием новых более прочных и совершенных. Природа как бы исправляет причиненное зло, и на смену разрушительным силам приходит восстановительные, дарующие новую жизнь. Нечто подобное мне довелось повстречать в Монголии. Там нашли свою «Аметистовую жилу» тоже с таким необычным аметистовым кварцем. Мы тогда не знали как лучше использовать подобный природный материал. Но однажды я увидел маленький шарик, выточенный из этого камня, в руках шамана, с которым он медитировал. Меня тогда это очень заинтересовало. В разговоре с ним я узнал, что камень своим фиолетовым цветом гасит душевную боль и тревогу, очищает сознание, наполняет душевным теплом и внутренним светом. И еще он поведал мне, что аметистовый кварц способствует раскрытию «третьего глаза» для получения скрытой информации и ясновидения.

Вот и все что я знаю об этом камне, – закончил я. – Теперь ваш ответный ход, Сердар Алиевич.

– Вы по сути раскрыли тайну этого камня, – воскликнул возбужденным голосом Салихов.

– Теперь у меня нет никаких сомнений, что именно этот камень и был подарен Тимуру индийским магом. Поздравляю!

– Еще рано! – возразил я. – Сначала, хотелось бы услышать об этом загадочном индийском маге. Как его имя?

– Имя его неизвестно, а подвиг его бессмертен. Как у неизвестного солдата, – улыбнулся Салихов. Без преувеличения сказать, этот безымянный индус был великим магом, астрологом, предсказателем судеб, целителем и имел огромное влияние на Тимура. Был его ближайшим советником и не расставался с ним в течение 30 лет, участвуя во всех больших и малых походах. Если бы не этот индус, неизвестно как бы сложилась судьба Тимура, и стал бы он великим.

– Этого мага Тимур тоже привез из Индии во время своего завоевательного похода?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.